стии», а ранее отразившийся в «Молении Даниила Заточника» и «Слове о хмеле».

Появление письменной поэзии на рубеже XVII в. объясняется тем, что в это время фольклор стал уходить из города, это вело к созданию книжной поэзии, как высокой, силлабической, так и тонической, народной, представленной ранее единичными записями, а от XVII столетия сохранившейся в довольно большом количестве списков. Усиление роли города, посада — вот причина возникновения стихотворства XVII в. Несмотря на исключительную самобытность русской литературы, переломные моменты ее развития совпадали с аналогичными моментами в истории западноевропейских литератур в том смысле, что их вызывали к жизни сходные социальные и общественные явления. Это относится, в частности, к рифмованной прозе «Смутного времени», которая была вызвана к жизни усилившимися городскими и светскими слоями населения, так было, например, в Чехии в эпоху Карла IV.

Как видим, к сожалению, концепция Л. И. Тимофеева не объясняет, почему «чуждая» польско-украинская силлабическая система так прижилась в русской литературе и просуществовала почти два столетия.[50] Существуют также попытки связать силлабический стих с русскими дольниками, в частности с различными модификациями четырехдольника.

Но в этом случае игнорируются особенности живого русского языка XVII в., произносительная норма, оформившаяся в период существования силлабики. «Стихи скандировались по слогам — с выделением каждого слога, — пишет И. П. Еремин. — Такое чтение привело и не могло не привести к тому, что неударные слоги стали произноситься с той же четкостью, что и ударные: различие между неударным и ударным слогами резко ослаблялось, если не стиралось совсем».[51] Итак, акценты искусственно подравниваются, дольники же требуют по крайней мере одного сильного ударения. Однако все эти попытки интересны и поучительны в том смысле, что они еще раз демонстрируют необходимость поисков органической связи силлабики с каким-либо из исконно русских или по крайней мере давно на Руси прижившихся поэтических явлений — либо с фольклором, либо с литургической поэзией и т. д. Пока еще рано делать прогнозы; решение этого вопроса возможно лишь после совместной работы историков литературы, лингвистов и музыковедов. Только такое комплексное изучение может дать хорошие результаты.

Для русской письменной поэзии XVII в., особенно второй его половины, характерно сосуществование искусственной, «высокой» поэзии и поэзии демократической, стоявшей на грани между фольклором и письменностью и развивавшей различные виды тонического стиха.[52] В связи с этим необходимо оценить, с одной стороны, удельный вес «демократической» поэзии в общем потоке литературы XVII в., с другой же — удельный вес силлабического стихотворства.

В этом направлении пока еще, к сожалению, ничего в сущности не сделано. Исследователи обычно ограничиваются констатированием того факта, что силлабическое стихотворство культивировалось представителями и идеологами феодальных верхов, в то время как питавшийся фоль-

---

[50] Нам известны, например, надгробные стихи И. Диаковского, написанные в 1794 г. См.: ЧОИДР, 1899, кн. 2, отд. 5, стр. 12—14.

[51] И. П. Еремин. Симеон Полоцкий — поэт и драматург. — В кн.: Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина. М.—Л., 1953 (серия «Литературные памятники»), стр. 257.

[52] См: В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев. Русские демократическая поэзия XVII века.